

женой, чи стати съ матерью. И стоять борать, носамъ панить, шеницу расбавить, хвастомъ заскаржипать.

Тетенька атягивать:

Штой-та за дива! Какъ я видала дива: въ етакамъ царствѣ, въ етакамъ гасударствѣ стоять мельница, сама мелить, кули набивать, у Москву атираивать и денешки сами получаютъ.

Онъ приѣзжаютъ и гаварить матери:

Ну, мамашинька, ничалитца абъ насъ папашинька! А тетенька сказала: въ етакамъ царствѣ, въ етакамъ гасударствѣ стоять мельница, сама мелить, кули набивать, у Москву атираивать и денешки сама получаютъ.

Аблагословите, мамашинька, дастъ эту мельницу.

Сѣтъ онъ на добрана кани и приѣзъ эту мельницу.

Апять ѣхалъ караицки. А онъ гаварить.

Мамашинька, заваѣмъ караицковъ, павягъ, пагулить на трое сутокъ.

Павили пагуляли, сѣли и паѣхали.

Аблагословите, мамашинька, паѣду я къ папашиньки: ни ничалитца ли абъ насъ папашинька?

Приѣзжаютъ караицки къ гасударю. Гасударъ выходитъ съ женой къ караицкиамъ.

— Здравстуйти, гасида-караицки! Плавали вы по марю, ни видали вы бочки или бачкавой доски или бачкавова дна?

А ани атягиваютъ:

Нѣтъ, ваше великое императорства! ни видали ни бочки, ни бачкавой доски, ни бачкавова дна. Только видѣли на такомъ-та островѣ живутъ чи братъ съ сестрой, чи мужъ жъ женой, чи сынъ съ матерью. Станть мельница, сама мелить, кули набивать, у Москву атираивать и денешки сама получаютъ. И стоять борать, носамъ панить, шеницу расбавить, хвастомъ заскаржипать.

А тетенька гаварить:

— Штой-та за дива! Какъ я видала дива: въ етакамъ царствѣ, въ етакамъ гасударствѣ стоять садъ; въ етакъ саду авѣрь-левѣ за двѣнадцать верстъ, ни павушпанть, пташки головы срываютъ.

Онъ приѣзжаютъ и гаварить:

— Мамашинька, ничалитца абъ насъ папашинька! А тетенька сказала: въ етакамъ царствѣ, въ етакамъ гасударствѣ стоять садъ; въ етакъ саду авѣрь-левѣ за двѣнадцать верстъ не павушпанть, пташки головы срываютъ. Аблагословите, мамашинька, дастъ етатъ садъ.

Онъ паѣхалъ на своемъ добромъ кани и дастъ етатъ садъ и поставитъ на етакъ островѣ.